

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПРОБЛЕМА для верующего католика, а теперь и для православного христианина — осознание стремительной деградации церкви как института (с чем он не может не считаться), с которой тем не менее он должен как-то взаимодействовать. Можно, конечно, этот факт игнорировать. Поэт, философ, богослов Шарль Пегги его не игнорировал, а проделал свой личный путь ей навстречу. Хотя спился с ней не вполне. "Мы постоянно следовали тем же самым прямым путём, и этот самый прямой путь привёл нас туда, где мы сейчас. Это вовсе не эволюция, как это говорят немного глупо, необдуманно злоупотребляя одним из слов современного языка, которое стало самым трусливым, это — углубление. ... Мы нашли христианский путь через неустанное развитие нашего сердца по тому же пути, а никак не через эволюцию. Мы его нашли не через возврат. Мы его нашли в конце. ... Мы могли бы быть впереди. ... Мы никогда не были против духа Евангелия", — так писал Пегги о проделанном им на протяжении многотрудной жизни пути.

Путь этот начался в семье потомственных крестьян-виноградарей, пролёт через ряд учебных заведений, где Пегги утратил веру, в результате чего пришёл к социализму, параллельно довольно рано вошёл в число видных французских интеллектуалов, активно занимался политической и публицистической деятельностью, издавал литературно-философский журнал — и всё это, как оказалось, только для того, чтобы, резко переменяв, казалось бы, устоявшуюся жизнь, проделать обратный путь к Богу. Что, между прочим, повлияло и на качественность его поэтических текстов. Более того — сделало его уникальным, ни на кого не похожим и, что гораздо более важно, — бесспорно христианским поэтом (по причине этой бесспорности его имя почти не упоминалось в советских изданиях и не переводилось) и, по мнению некоторых зарубежных русских бого-

ставить... Я живу без причастия. Это безумие. Но со мной сокровища благодати, преизбыток неизъяснимой благодати... я совершил паломничество в Шартр... был в экстазе. Все мои мерзости разом спали с меня. Я стал другим человеком. Час я молился в соборе... я молился, друг мой, как не молился никогда. Я мог молиться за своих врагов... Сын мой спасён, я всех троих вверил Пречистой... Мои дети не грешны, пусть об этом позаботится Пресвятая Дева... Я грешник, но грешник, у которого есть сокровища благодати и редкий ангел-хранитель... "Младенцы" были предвосхищением. Я никогда не делал того, о чём писал. Теперь я этому отдаюсь..."

Младенцы, о которых упоминается в письме, — это герои одного из самых лучших творений Пегги, которое чрезвычайно высоко оценил его бывший учитель Ромен Роллан, назвав уникальным шедевром литературы всех времён. Другие отзывы: "Это совершенно восхитительно... Я говорю со знанием дела, что после Достоевского, наверное, не было ещё такого человека, который был бы столь очевидно Человеком Божиим" (Ален-Фурнье). "Ничто, после "Древа" Клоделя, не импонировало мне в такой степени. Я пишу, ещё не придя в себя, как опьянённый" (Андре Жид). И снова Ромен Роллан: "Я больше ничего не могу читать после Пегги... Насколько самые великие сегодняшнего дня плоско звучат рядом с ним!... Я придерживаюсь противоположных взглядов, но... я безгранично восхищаюсь им".

Вещь, вызвавшая столь восторженные отклики, озаглавлена "Мистерия о Вифлеемских младенцах", однако и содержание, и смысл его гораздо шире (произведения Пегги вообще трудно соотносить с тем или иным отдельно взятым персонажем или событием Священного Писания, поскольку всё это присутствует в них в целом и неразделимо конгло-

СВЕТОЧИ

О легендарных авторах газеты «ЗАВТРА»

В год 30-летия газеты "Завтра" мы начинаем работу над проектом "Наши светочи", который, надеемся, станет со временем своего рода энциклопедией российской, русской патриотики. Проект посвящён самым дорогим и близким для нашей газеты людям — как живым, так и ушедшим, но продолжавшим своим творчеством и своим примером сражаться с нами в едином строю.

Начнём с Игоря Шафаревича, поскольку в этом году грядёт его 100-летие.

Игорь Ростиславович ШАФАРЕВИЧ (3 июня 1923 — 19 февраля 2017) — выдающийся учёный, специалист по теории чисел, защитивший своего кандидатскую диссертацию в 19 лет, докторскую — в 23 года, в 1958-м избранный в состав АН СССР, а через год — получивший Ленинскую премию. С 1968 года — активный участник и один из лидеров диссидентского движения в СССР. В 1982 году было опубликовано его эссе "Русофобия", в котором применительно к советским реалиям того времени была выдвинута концепция "малого народа" как носителя русофобии, действующего внутри и против "большого народа". После чего получил от русофобов всех мастей, исповедующих, по определению Игоря Ростиславовича: "антипатию к России ("Большому Народу"), русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настоящие требование идейно поврать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращая к своему историческому опыту", — клеймо "великорусского шовиниста" и "антисемита". В 1990 году подписал "Письмо 74-х", направленное в защиту достоинства русского народа, его истории и культуры. В марте 2003 года заявил о выходе из числа иностранных членов Национальной академии наук США, направив в адрес её председателя соответствующее письмо: "Сейчас, когда правительство США разрушает самые основы международного права и следует курсу, который неизбежно приведёт к новой мировой войне, у меня нет другого выбора, как обратиться к вам с этим заявлением о выходе из членов вашей Академии". В широком историческом и логическом контексте рассматривал сам крах Советского Союза как преддверие общепланетарной цивилизационной катастрофы (работы "Социализм как явление мировой истории", "Россия и мировая катастрофа").

Владимир Сергеевич БУШИН (24 января 1924 — 25 декабря 2019) — ветеран Великой Отечественной войны и войны с Японией, поэт и блистательный публицист, всю жизнь сражавшийся "В прекарном и яростном мире" (название одного из рассказов Андрея Платонова) за свой "красный" идеал, за свой советский и коммунистический "символ веры", которому не изменял никогда, приравняв своё право даже не к штыку, а к высокоточному гиперзвуковому оружию. Целей, "выживших" при направленном применении "фирменного", абсолютно бесстрашного бушинского сарказма практически не оставалось. От Окуджавы до Ельцина, не говоря уже о фигурах поменьше. В Советском Союзе он искренне видел вершину русской цивилизации, русской истории и одновременно — стартовую площадку в будущее, а потому: "Когда коммунисты пришли к власти, население страны составляло примерно 150 миллионов человек, что зафиксировано, кстати, знаменитой поэмой Маяковского, которая так и называлась — "150 миллионов". А через семьдесят лет было уже около 300 миллионов, то есть за это время население увеличилось в два раза... Вы эти победы не видите, а какие видели, не помните — ни страны, вытесненную из неграмотности к вершинам культуры, ни знамя Победы над рейхстагом, ни наш герб на Луне и Марсе, заброшенный туда ещё сорок лет тому назад... забыли...".

Савва Васильевич ЯМЩИКОВ (8 октября 1938 — 19 июля 2009), из рода поморских староверов-бесполовцев, художник-реставратор мирового класса, всю свою огромную энергию направивший на сохранение и возрождение к новой жизни шедевров отечественного изобразительного искусства: от древнерусских икон до русского авангарда XX века. Шабаш "перестройки" и "рыночных реформ" он, человек, плотно общавшийся со множеством представителей и отечественной, и мировой "элиты", провидчески точно определил как нацистскую по сути "антикультурную революцию", которая, будучи изначально направленной против России, как смертоносная зараза, вырвавшаяся из секретной базы биологического оружия, способна убить весь мир. И приложил невероятные усилия, чтобы остановить начатый бы процесс "реституции трофейных ценностей". И сердцем своим не мог принять полную деградацию отечественной "постсоветской" культуры: "Свободой слова, внезапно нагрянувшей в нашу строго регламентированную жизнь, поспешили воспользоваться все кому не лень, оставив за бортом всемирного корабля массовой информации тех, кто действительно мог сказать людям глубинную правду, чьё проникновенное слово способно было помочь слушателям вернее сориентироваться в сложных лабиринтах и опасных рифах, обильно понастроенных псевдоперестройщиками и доморощенными либералами... Телевизор пестрил физиономиями галлинок, жванецких, пугачёвых, познеров и им подобных представителей эрзацкультуры, заменивших собой Гоголя, Толстого, Рахманинова, Тютчева, Глинку и всех, кто оставил нам в наследство величайшую культуру России...". Остановилось сердце Саввы Васильевича, и упокоен он на посковой земле, рядом с хранителем Пушкинаторы Степаном Семёновичем Гейченко...

Евгений Андреевич НЕФЁДОВ (7 сентября 1946 — 19 октября 2010) — поэт, уроженец Красного Лимана Донецкой области, того самого, у которого сейчас идёт упорные бои с украинскими, многолетний ответственный секретарь нашей газеты. Его любимым литературным героем был бравый солдат Швейк, внешним сходством с которым гордился и даже немного бравировал. Неизбывный юмор Евгения Андреевича, его чувство слова и стиля, наполняли не только личное общение, но и газетные рубрики "Евгений о неких" в "Завтра", "Вашими устами" в "Дне литературы"... И не случайно его стихотворение "Былое":

Год сорок третий. Северный Донбасс.
Уже враги отброшены от Волги,
Но всё равно, как загнанные волки,
Они рычат про свой победный кон.
Ещё хотят оторочить свой конец.
Ждут зорода, людей увозят в рабство.
Но испокон веков умели драться
На той земле, где плещется Донец!..
Идут бои. Идут не день, не два.
От жаркой крови тает снег багряно
Под красным небом Красного Лимана
На красном поле — красная трава...

— кажется написанным только что, буквально вчера или сегодня, ещё "горячим". А может быть, даже завтра: "Год двадцать третий..."

Конечно же, к участию в реализации и развитии проекта "Наши светочи" приглашаю всех, кто разделяет его цели и задачи. Свои материалы, предложения и замечания можно присылать с пометкой "Наши светочи" на почтовый адрес редакции или на нашу электронную почту zavtra@zavtra.ru.

Владимир ВИННИКОВ

САМОИСПЫТАНИЕ

К 150-летию французского поэта Шарля Пегги

словов (Г. Федотова, К. Мочульского, Л. Зандера), — мыслителем, чьё мировоззрение многими сторонами соприккасается с православием.

По словам Федотова, Пегги был одним из немногих, кто восстаивал против чувства праявоты и нравственного окаменения своих верующих современников и видел сущность духовного подвига в "вечной обеспокоенности", в покаянии и совестливом самоиспытании, которые предохраняют душу от привыкания к жизни, от окостенения. Интересный факт, дающий представление о внешней жизни Пегги: в период своей внецерковной жизни он женился на сестре своего предвременно умершего друга молодости Марселя Бодуэна (мне кажется, что главная причина, по которой он это сделал — память о друге), у них родилось четверо детей. Брак был гражданским, поскольку супруга противилась венчанию, а Пегги не хотел её к нему принуждать, поэтому оставался вне Таинств даже после возврата в Церковь. Умер он без исповеди, без причастия (и тем, и другим можно считать самую его жизнь), но с покаянием, которому непрестанно предавался на протяжении всей второй половины жизни. После его гибели жена, обрета веру, вернулась в Церковь и крестила детей. Это говорит о том, что вера Пегги не была тщетной и дала всходы.

В его заволакивающие-монотонных текстах, схожих с православными канонами и акафистами, мир предстаёт гигантской пашней, для новых всходов веры нуждающейся в постоянной обработке. Библия — плугом, непрестанно её перепахивающим и оставляющим на её тепле множественные, хотя далеко не всем ведомые, борозды. Выявление этих борозд, по Пегги, и является главной задачей верующего поэта.

Вот образец его богословских размышлений:

Что Бог сущий растёт и растёт беспрерывно
До уровня силы своей, в высоте неизменной,
Что сам из себя он творит и своё удвоение,
И вечную силу, и точность свою.

Что Бог сущий растёт и растёт непрерывно
До уровня жизни своей, в высоте неизменной,
Что сам из себя Он творит и своё утробление,
И вечную жизнь, и блаженство своё.

Что Бог сущий идёт, встать идёт непрерывно
К вечным истокам своим и к своей полноте,
Что сам из себя он творит и своё приращенье,
И вечную силу, и благость свою.

Что Бог сущий берёт и берёт непрерывно
Из источника вечности и из глубины ночи,
Что сам из себя он творит и своё приращенье,
И спасенье людей, и силу земли.

С одной стороны, может смущать (меня, например, смущает) чрезмерная, чисто католическая пылкость Пегги. Но, с другой стороны, не может не приводить в восторг искренность его покаяния. Вот, например, фрагмент письма от 27 сентября 1912 года, которое по завершении паломничества в Шартр, после долгих сомнений наконец-то осуществлённого, Пегги пишет своему другу Лотту:

"Старина, я очень изменился за эти два года... Я теперь новый человек. Я много страдал и много молился. Ты не можешь себе пред-

Во многих своих произведениях — эпических, что нелишне отметить, Пегги пробует проследить влияние учения Господа Иисуса Христа и, в особенности, особо чтимой им личности Пресвятой Богородицы на историю человечества, снова и снова предпринимает попытки исследования влияния Высшего Промысла на ход мировой истории.

Гигантская, из десяти тысяч строчек и двух тысяч строф, последняя из написанных Пегги поэма "Ева", посвящённая истории человечества от грехопадения до кончины Орлеанской Девы, которая и ранее была основной героиней сразу нескольких поэм Пегги, — свидетельством такого метода.

Собственно, праматерь человечества непосредственно присутствует лишь в начальных главах, а далее прочитывается в нескольких представительницах человеческого рода: как прославленных, так и никому, кроме Бога, не ведомых.

Вот краткое изложение содержания поэмы в трактовке самого автора: "Земной рай и то, что было самой сутью человеческого счастья до грехопадения, и то, что было сутью его изгнания; скорбь человека, скорбь и заботы женщины, в частности, женщины — домашней хозяйки; женщины рачительной и за всё ответственной; так, она осознаёт свою неспособность всё прибрать как следует; так, она знает и ведёт учёт всем промахам мужчин; беспомощно присутствует при нашествиях современного мира... Ева — мать и прабабка, все её сыновья — потерянные в мировых столкновениях..."

Близкую трактовку можно найти в "Толковании на Книгу Бытия" св. Филарета Московского (Дроздова):

любом тогдашнем ориентализме. Однако и тут есть исключения. Вот серия "Китайских зарисовок" Ивана Александрова, бывшего крепостного господ Шереметевых, а впоследствии академика живописи. Александров состоял при посольской миссии в Китае, и его рисунки — это прямые свидетельства, обладающие фотографической точностью.

Когда-то Москва сыла промышленным центром и средоточием денег. Гремели имена чайных королей: Перловых и Боткиных. Вот портреты купца первой гильдии Ивана Перлова и его супруги Агриппины. Оба одеты по европейской моде начала 1840-х годов: он в чёрном фраке, она в розовом платье с открытыми плечами. Семья Перловых не просто занималась чаеотроглей, а продвигала законодательные иници-

и методом проб и ошибок сами формировали ходы по продвижению товара к потребителю. Знаменитые открытки, выпускавшиеся "Эйнемом", до сих пор считаются грамотной стратегией.

Открыточные сюжеты не были связаны с продукцией и повествовали о чём угодно: от изобразительного искусства до машин будущего, а фирменный знак скромно дополнял "фабулу". В 1950-х–1960-х годах подобный метод, применявшийся во всех странах мира, описал Филипп Котлер в своих фундаментальных трудах по основам маркетинга (между прочим, предки Котлера были выходцами из Российской империи и наверняка покупали открытки от "Эйнем"). На выставке можно увидеть рекламные открытки разных фирм, а не только "Эйнема".

Отдельное пространство посвящено посуде — она располагается и на специальных витринах, и в серванте конца XIX века. Сопроводительный текст взят из "Полной хозяйственной книги" Екатерины Авдеевой. Этот фольклит был таким же обязательным чтением для женщин, как и "Подарок молодым хозяйкам" Елены Молоховец. Говорится о выборе посуды и о том, сколь это очаровательно — иметь "чайнику хрустальную в серебряной оправе и при ней особливой формы ложечку, для накладывания чаю".

Представлены чашки и кружки: от недорогих до вещей с запредельной ценой, — но все они бесценны и являются артефактами ушедших времён. Фаянсово-фарфоровую тему продолжают статуэтки с восточным колоритом — китайцы и китанки, да ещё занятный чайный бокал, выполненный в виде головы перса с крышкой-шапочкой, сохраняющей жар напитка.

ГОСТИ УЗНАЮТ, что чаепитие подразумевало утончённый дресс-код. В английской моде XVIII — первой половины XX века существовал феномен "чайного костюма" ("tea-gown"). Это было изысканное платье, которое отличалось от привычного визитного наряда в сторону большей свободы и фантазии, но и не было совсем уж домашним. С tea-gown допускался менее тугор корсет, а с начала XX века — полное его отсутствие, и позволялись любые расцветки.

К чаю приглашали свой, тщательно отфильтрованный, избранный круг, и с ним допускался отступ от церемоний. В Англии были мастерские, изготавлившие "чайные платья". Леди Люси Дафф-Гордон (к слову, впоследствии одна из тех, кто уцелел после трагедии на "Титанике"), создала в 1890-х дом мод Lucile, специализировавшийся в том числе на пошиве tea-gowns элитного качества.

Этот опыт распространился по всему миру, а tea-gown стало означать не только "наряд для чайного приёма", но и всякое облачение для неформальных встреч со своими приятелями. На выставке мы видим чайные платья различных домов мод: русских, американских, польских, равно как и визитные, прогулочные, домашние уборы из коллекции Александра Васильева.

На выставке много картин музея Тропинина, выполняющих декоративную роль, ибо не все из них повествуют о чаепитиях и обедах, но эффефктный "Натюрморт с вазой и чайной посудой на фоне окна" Павла Кузнецова идеально вписывается и подытоживает просмотр. Кузнецов — искусник и один из организаторов "Голубой розы", а при Советской власти — преподаватель Вхутемаса и Строгановки, он чувствовал цвет и наслаждался сочными красками. Интенсивные фрукты и розы плюс кобальтовая синь чашки погружают в атмосферу любви, тепла, безмятежности и всего того, что связано с понятием "русское чаепитие". У Булата Окуджавы есть куплет: "Пейте чай, мой друг старинный, / забывая без минут, / Жёлтой свечкой стearиной / я украшу ваш уют". Чай и уют — нечто вроде синонимов, особенно когда за окнами — стужа.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: натюрморт с вазой и чайной посудой на фоне окна, художник П. Кузнецов. 1907 г.

да и французы равнодушны к этому вкусу — хоть с сахаром, хоть без.

Безусловно, свою роль сыграла историческая реальность: у России при Анне Иоанновне началась дружба с Китаем, на англичан работали колонии. Чай, попадавший к русским, был куда как лучше — его везли посуху, а в Лондон — морем, и дорогостоящий продукт прибывал сыроватым. Чайная тема напрямую связана с маньер фарфора в Галлантом веке: под русское чаепитие изобрели "виноградовский" фарфор, под британское — ...всего лишь фаянс из Беджвуда.

Когда пишут, что английский фэйв-о-лок — это бонтан, а у России чай хлестали купцы и ремесленники, это — убогая полуправда. Декларируем пушкинские строки о быте аристократов: "Разлитый

самовар сделался на Западе таким же символом Русского дома, как матрёшка, пьесы Чехова и антрепризы Дягилева.

В московском музее Василия Тропинина проходит выставка "Мода на чай", где зрительно предлагается увлекательное путешествие в чайное царство. Игрек, чай как напиток и идея, как вкус и смысл. Ритуал, времяпровождение, отдохновение. И, наконец, чай как прибыльный бизнес.

Ознакомительные таблички повествуют, что до середины XIX века чай доставляли караванным путём из пограничной Хякты через Сибирь. Надо отметить, что Китай в XVIII–XIX веках оставался, по сути, закрытым и плохо известным государством, отсюда европейская зная обожала стиль chinoiserie, в нём было так же мало восточной мудрости, как и в